

И эта система истребления въ концѣ концовъ должна сама пожрать себя. Матеріалистъ не только не любить, но и не знаетъ настоящаго человѣка. Для него человѣкъ — это лишь количественная величина, однородная часть однородной массы. Въ его міросозерцаніи производство, имѣющее въ дѣйствительности лишь значеніе средства для жизни, превращается въ самоцѣль, а человѣкъ перестаетъ быть самоцѣлью, и превращается въ случайный объектъ и продуктъ въ концѣ концовъ безсмысленнаго развитія. Ставя общество надъ индивидуумомъ, марксизмъ на дѣлѣ не можетъ создать и подлиннаго человѣческаго общества, такъ какъ тамъ, гдѣ нѣтъ «я», не можетъ быть и «мы».

Большевизмъ стремится разрушить все, что дѣлаетъ человѣка индивидуумомъ и духовнымъ существомъ. Онъ отрицаетъ всѣ связи, основывающіяся на кровномъ родствѣ и любви. Въ коммунистическомъ государствѣ нѣтъ ни матери, ни отца, ни ребенка, его гражданинъ чуждъ всего этого, его рожденіе является простымъ фактомъ производства. Бракъ есть договоръ между лицами различнаго пола о взаимномъ пользованіи другъ другомъ на любое время. Любовь — это только буржуазная романтика, мѣшающая классовой борьбѣ. Что большевизмъ не способенъ уважать духовныя цѣнности, какъ таковыя — это общеизвѣстно. Довольно напомнить о преслѣдованіи писателей, членовъ Академіи Наукъ. Къ ученымъ, поэтамъ, художникамъ большевистское государство относится какъ рабовладѣлецъ къ своимъ рабамъ.

Глубокая трагедія коммунизма состоитъ въ томъ, что онъ несомнѣнно исходилъ первоначально изъ стремленія къ подлинному братскому общенію людей и къ царству справедливости и что въ русскомъ народѣ это стремленіе было выражено сильнѣе, чѣмъ въ какомъ другомъ, но, пойдя по путямъ механическаго натурализма, это стремленіе привело лишь къ отрицанію человѣческаго достоинства, къ рабству и одичанію...

Мы далеко не исчерпали всего богатства содержанія рецензируемой книги и горячо рекомендуемъ непосредственное знакомство съ ней, въ особенности со статьями проф. Глубоковского и д-ра Либа.

С. Троицкій.

В. Ф. Асмус. Очерки истории диалектики в новой философии 1929. Государственное издательство.

Книга В. Асмуса есть показатель существованія философской мысли въ совѣтской Россіи. Авторъ «Очерков истории диалектики» имѣетъ философскую культуру, онъ знаетъ исторію

философiи, имѣть вкусъ къ философствованiю, любить великихъ нѣмецкихъ идеалистовъ. Образовался онъ еще на старой русской культурѣ. Но книга В. Асмуса, совсѣмъ не плахая, обнаруживающая философскiя способности, производитъ мучительное впечатлѣнiе смѣшенiемъ двухъ стилей, свободно философскаго и совѣтски казеннаго. Все время чувствуется, съ какимъ трудомъ пробивается философская мысль черезъ гнетъ коммунистической цензуры. Во что бы то ни стало нужно доказать, что всѣ великiе философы склонялись, хотя и недостаточно сознательно, къ материализму, и Декартъ, и Спиноза и даже Кантъ. И это какъ то приклеено къ разсмотрѣнiю философовъ по существу. Авторъ свободно и по существу философствуетъ только тогда, когда онъ забываетъ, что онъ марксистъ и что совѣтская власть требуетъ отъ него материализма. Но настоящей свободы у него нѣтъ. Горько читать, когда онъ съ паэосомъ говоритъ о стѣсненiи свободы мысли у Декарта. Ему самому, подобно Декарту, нужно было бы поѣхать въ «Голландiю», чтобы обрѣсти свободу мысли. Тема книги опредѣляется основнымъ противоположенiемъ метафизики и диалектики. Это условное противоположенiе всегда дѣлали Марксъ и Энгельсъ и марксисты свято хранятъ эту традицию. Тутъ мы сталкиваемся съ основной нелѣпостью марксистской философiи, усвоенной и В. Асмусомъ. Если уже дѣлать противоположенiе между метафизикой и диалектикой, то материализмъ цѣликомъ долженъ быть отнесенъ къ метафизикѣ, а не къ диалектикѣ. Материализмъ по существу не диалектиченъ и диалектическiй материализмъ есть лишенное смысла словосочетанiе. Диалектика самаго г. Асмуса всегда возвышаетъ его надъ материализмомъ. Возможна лишь диалектика мысли, идеи, духа, а не атомовъ матерiи и не экономики. Гегель увидѣлъ диалектику бытiя лишь вслѣдствiи своего панлогизма. Для него бытiе было самораскрытiемъ мысли, понятiя, идеи, мiровой процессъ былъ логическимъ процессомъ. Марксъ перевернулъ диалектику Гегеля, но въ результатѣ этого переворота онъ перенесъ панлогизмъ въ матерiю. Въ материальномъ процессѣ обнаруживается разумъ и происходитъ диалектика разума. Хозяйственно-экономическiй процессъ, представляющiй субстанцию исторiи, совершается по схемѣ диалектики разума и въ немъ всегда разумъ торжествуетъ и восторжествуетъ окончательно въ социализмѣ. Марксъ вѣрилъ въ логосъ матерiи и не допускалъ возможности совершенно иррациональныхъ, алогическихъ материальныхъ процессовъ. Противорѣчiя капитализма, порожденная анархiей капиталистическаго хозяйства, оказываются лишь необходимымъ моментомъ диалектическаго процесса, который ведетъ къ высшему разумному социальному строю. У самаго Маркса не было продуманной до

конца гносеологии, его интересы лежали в другой области. Энгельс же, который больше всего представлял марксистскую философию, был слабый философский ум и он опускается до самого вульгарного материализма. Остается загадкой, откуда берется разум и разумная диалектика у материалистических марксистов? Каким образом стихийные бессмысленные материальные процессы могут порождать разумное и даже противоречиво подсказывать плодотворные результаты? Ясно, что материя и материальный процесс у Маркса и Энгельса заранее рационализированы и логизированы и потому только и делается возможной диалектика. Материя наделяется высшей активностью. Поэтому пафос агуализма в коммунизм связан с пафосом материализма. Но материя есть начало инертное и пассивное, с ней нельзя перевернуть и перестроить мир. Агуализм можно связывать с философией Фихте, но никак не с материализмом. В. Асмусь очень дорожит тем, что познание есть активная сила, переустраивающая мир. На этом основании он дает слишком агуалистическое истолкование философии Спинозы. Но именно с точки зрения материализма познание не есть активная сила, а есть пассивное отражение. Бюда Маркса была в том, что он не только дитя немецкого идеализма, не только вышел из Фихте и Гегеля, но и усвоил себе буржуазную философию просвещения. Он произошел от явного мезальянса, в котором один из родителей был очень вульгарен и низкого происхождения. Материализм и атеизм есть буржуазная философия и порождена буржуазией. Менее всего можно сказать, как говорит г. Асмусь, что буржуазия созерцательна. Наоборот, она очень активно-деловая и созерцательной быть не может, ибо ничего неспособна увидеть кроме своих дел. В. Асмусь вслед за Марксом и Энгельсом ставит знак равенства между материализмом и приматом бытия над сознанием. Это совершенно недопустимое отождествление. Таким образом можно утверждать, что Св. Тома Аквинат и все схоластики были материалистами. Я сам совершенно убежден, что бытию принадлежит примат над сознанием и что формы сознания определяются формами бытия. Нельзя отождествлять реальное, действительное с материальным. Между тем как г. Асмусь это делает и делает против своей философской совести. Как человек обладающий философскими знаниями, г. Асмусь принужден признать качественное своеобразие психического. Но эту истину он направляет против грубого материализма, а не материализма вообще. Болзненное впечатление производит, когда г. Асмусь вспоминает, что он марксист и обязан защищать материализм, — он в эти тяжкие минуты покидает

философію. Марксизмъ имѣеть философское происхожденіе, но совсѣмъ не философскій конецъ. Въ самомъ Марксѣ были еще остатки благородства мысли нѣмецкаго идеализма, у марксистовъ уже ничего отъ этого не остается.

Въ книгѣ г. Асмуса есть пробѣлы и искаженія. Онъ совсѣмъ повидимому не знаетъ, что корни нѣмецкаго идеализма заложены въ нѣмецкой мистикѣ и особенно у Я. Беме. Именно у Я. Беме были первородныя геніальныя интуиціи, которыя потомъ развивались нѣмецкими идеалистами начала XIX в. У Я. Беме, какъ и у Николая Кузанскаго, г. Асмусъ нашель бы гораздо больше діалектики, чѣмъ у Декарта и Спинозы. Смѣшно считать, что главной заслугой Канта является его устарѣвшая естественная исторія неба и естественно-научные труды. Невѣрно считать неокантіанцевъ дуалистами. Коганъ совсѣмъ не дуалистъ и приходитъ къ философіи очень родственной гегеліанству. В. Асмусъ не дооцѣниваетъ Л. Фейербаха и его значеніе для генезиса марксизма. Это объясняется тѣмъ, что г. Асмусъ не видитъ, что въ марксизмѣ самое важное не матеріализмъ, а атеизмъ. Фейербахъ же былъ геніальнѣйшимъ атеистомъ XIX в. Глава о Гегелѣ, которая особенно важна для его цѣли, сравнительно слабая. Г. Асмусъ совсѣмъ не углубляетъ діалектики Гегеля о бытіи, небытіи и становленіи. Онъ не выясняетъ, что весь динамизмъ гегелевской философіи опредѣляется тѣмъ, что Гегель ввелъ понятіе небытія въ логику. Совершенно напрасно г. Асмусъ считаетъ Маркса и Энгельса пролетарскими мыслителями. Марксъ и Энгельсъ — дѣти буржуазіи, вышли изъ нея и унаслѣдовали навыки ея мысли. Они не выразители мысли самого пролетаріата, который никакой особенной мысли не обнаруживаетъ и склоненъ повторять зады буржуазнаго радикальнаго просвѣтительства, они создатели мессіанской идеи пролетаріата, совсѣмъ не похожей на пролетаріатъ эмпирической. Это какъ разъ случай, когда не бытіе опредѣляло сознаніе, а сознаніе опредѣляло бытіе. Марксъ создалъ миѳъ о пролетаріатѣ и въ этомъ его самая большая оригинальность. Г. Асмусъ совсѣмъ не замѣчаетъ еще одного глубокаго противорѣчія марксизма. Марксъ раскрываетъ, какъ капитализмъ превращаетъ отношенія людей въ отношенія вещей, и въ этомъ есть несомнѣнная правда. Человѣкъ не хочетъ оставаться вещью, предметомъ, товаромъ, онъ хочетъ быть активнымъ субъектомъ. Такимъ образомъ марксизмъ всюду хочетъ видѣть субъекты, а не предметы. Но это какъ разъ радикально противорѣчитъ матеріализму, для котораго существуютъ исключительно вещи и предметы и не существуетъ субъектовъ съ ихъ творческой активностью. Капитализму, овеществляющему людей, противопоставить можно только персонализмъ, а не матеріализмъ. Мате-

ріалізмъ марксистовъ цѣликомъ опредѣлился овеществленіемъ людей капитализмомъ. Матеріализмъ есть буржуазно-капиталистическая философія. Пролетарія заставляють вѣрить, что онъ есть вещь и предметъ. Книга г. Асмуса наводитъ на мысль о двойственномъ результатѣ нѣмецкаго идеализма. Съ одной стороны исходъ нѣмецкаго идеализма въ послѣднемъ періодѣ Шеллинга, въ его философіи откровенія, съ другой стороны — въ Марксѣ. Это обнаруживаетъ богатство его мотивовъ и темъ и внутренія его противорѣчія.

Въ заключеніе нужно сказать, что книга г. Асмуса есть одинъ изъ симптомовъ кризиса совѣтской философіи, о которой написалъ интересную статью г. Прокофьевъ въ «Совр. Запискахъ» Возвратъ къ гегелевской діалектикѣ есть конецъ матеріализма. Впрочемъ самъ г. Асмусъ производитъ впечатлѣніе случайнаго человѣка въ коммунизмѣ. У него нѣтъ главнаго, нѣтъ паюса связаннаго съ идеей пролетаріата, т.-е. нѣтъ коммунистической религіи, онъ любитъ философію и въ свѣтлыя свои минуты отдается философскому познанію, забывая о ненависти, къ которой обязываетъ его коммунистическое міросозерцаніе.

Николай Бердяевъ.